

Василий КОЗЛОВ

НА КРЕСТЕ ПРОЗЫ

О творчестве В.Г. Распутина

Больше всего обогащает язык прозаика знание поэзии.
Константин Паустовский

Валентин Григорьевич Распутин был приветливым и гостеприимным человеком. Многие из его иркутских (и не только) близких знакомых останавливались у него в московской квартире и находили приют и благорасположение хозяина. И я как-то зимой приехал в столицу по какой-то надобе, позвонил Распутину во второй половине дня, он предложил встретиться, проговорили допоздна. Пора было в гостиницу, но он не отпустил, оставил ночевать. Утром я засобирался уходить, и уже в прихожей Валентин Григорьевич остановил меня:

– Вася, подожди. – Вернулся в кабинет и вышел ко мне с книгой в руке. – Тут появился поэт из Краснодарского края, Николай Зиновьев, мне показался интересным, возьми, почитай.

Меня как обожгло. Перед вылетом из Иркутска мой товарищ, поэт и редкостный библиофил Геннадий Гайда, попросил меня посмотреть в книжной лавке Дома литераторов в Москве сборник Николая Зиновьева. Минувшей осенью в Иркутске прошли очередные Дни русской духовности и культуры «Сияние России», на них был приглашен ансамбль «Русичи». Выступая в Иркутской филармонии, руководитель ансамбля, представлявший коллектив, говорил о неизвестном нам поэте и прочитал несколько стихотворений. Два запомнились сразу и навсегда:

Василий Васильевич Козлов родился в 1947 году на станции Оловянная Читинской области. Учился в Иркутском госуниверситете на филологическом факультете. Автор поэтических книг «Уроки доброты» (1975), «Есть у меня на свете брат» (1979), «Стихотворения» (1985), «Гончарный круг» (2021). Лауреат Всероссийской премии «Звезда полей» им. Николая Рубцова. Член Союза писателей России, поэт, публицист, издатель, главный редактор журнала «Сибирь» (1986 – 2012).

Живет в Иркутске.

* * *

А свои голубые глаза
Потерял я в двенадцатом веке,
При внезапном степняцком набеге,
Они с кровью скатились с лица.
И тогда, чтоб за гибель семьи
Печенег не ушел от ответа,
Я их поднял с горелой земли,
И с тех пор они черного цвета.

* * *

А степные ковыли –
Оседлцы, не иначе,
За какой ни потяни,
Череп вытащишь казачий.

О поэзии с Валентином Григорьевичем говорили редко, случалось, он привозил из Москвы стихи какого-нибудь автора в журнал «Сибирь», где я работал тогда главным редактором. Но это бывали исключительные эпизоды, чаще его просили о протекции прозаики. Но и предлагая того или иного для публикации, он не пользовался своим авторитетом, а всегда оставлял мне право решать самому. Например, рекомендуя в «Сибирь» рассказ известного писателя, отправленный мне из Москвы по почте, он замечает в письме: «Мне рассказ не показался, посмотри сам, если считаешь возможным, опубликуй».

Я никогда не слышал, чтобы он публично читал чьи-то стихи, разве что, представляя в Иркутске приглашенного на «Сияние России» поэта, он мог дать краткую характеристику его творчества, и это, как и все говорившееся им публично, имело значимость и точность. Многие прозаики начинали со стихов и только со временем переходили на прозу и забывали о прежних экзерсисах, даже Пушкин сказал: «Года к суровой прозе клонят». Другие сохраняли верность обоим жанрам, и их немало: Тургенев, Бунин, Набоков...

Перечитывая год назад книгу публицистики «В поисках берега», в которую Распутин также включил и повесть «Пожар», я обратил внимание, что почти в каждой статье, очерке, выступлении или эссе встречаются не только упоминания классических русских поэтов, но и цитаты. Под этим прицелом я стал просматривать, а открывая текст, иногда и перечитывал рассказы, повести и там обнаруживал стихи современников наших Николая Рубцова, иеромонаха Романа, хотя назвать то, что пишет иеромонах Роман, стихами, поэзией не вполне точно – это православные песнопения, а может быть, и гимны.

Обнаружил и знаменитые стихи Петра Пиницы в характеристике главного героя цикла рассказов о Сене Позднякове: «Сене же цена была небольшая. Когда-то он читал книжки, вышел из приличной городской

семьи, окончил школу и готовился к жизни всерьез. Но после армии понесло его по романтической части, об уроках которой деревня знала наизусть из песни, распеваемой не однажды "нашим" орлом при его продвижении к дому:

Ах ты, сука романтика!
Ах ты, Братская ГЭС!
Я приехала с бантиком.
А уехала – без.

Трагические эти строки продолжения не имели. Сеня выдирает их из груди с такой болью, с таким отчаянием, что они пронизывали всю улицу, откашливался громко избыточным страданием и начинал сначала».

Эта хулиганская строфа в шестидесятые-семидесятые годы прошлого столетия была известна едва ли не каждому читающему, а особенно пишущему иркутянину.

* * *

Распутин благословлял на литературный путь не только прозаиков, но и поэтов. Первое по времени обнаруженное мною предисловие «Верность родине и себе» написано к книге Анатолия Преловского «Смешанный лес» (Иркутск, 1977).

И еще есть одна переключка между ними задолго до этой книги. Рассказ Валентина Распутина «Продается медвежья шкура» опубликован в красноярском альманахе «Енисей» в первом номере за 1966 год. Значит, статья поступила в редакцию не ранее 1965-го. А у Анатолия Преловского есть стихотворение «Медвежья шкура», начинается строкой «Сколько стоит медвежья шкура!» А заканчивается:

Десять жизней и десять смертей.
И за выделку – семь рублей.

Дата под этим стихотворением – 1963 год. То есть стихотворение написано раньше, чем рассказ Распутина. И я выскажу предположение, которое ничем не подтверждается, кроме моей интуиции: название «Продается медвежья шкура» родом из строки Анатолия Преловского, тем более что Валентин Распутин часто брал в название строки стихотворного размера.

* * *

В 1997 году вышла книга иеромонаха Романа «Внимая Божьему велению» с предисловием Валентина Распутина «Такое родное имя», оно публиковалось в переизданиях этого сборника и в томике избранных стихов иеромонаха Романа издательства «Амфора».

В 2005 году в московском издательстве «Русь» вышел двухтомник читинского поэта Михаила Вишнякова «Стихи и поэмы» с кратким, буквально в несколько строк, но крупным шрифтом растянутым на страницу, предисловием Валентина Распутина. Полагаю, уместно привести его полностью, тем более что оно отвечает нашей теме:

«Что такое литературный и, в частности, поэтический талант? Конечно, это духовное месторождение в человеке, но не такое уж и самородное, а набранное жадной душой от ярких и плодоносных впечатлений в раздумьях, в общении с природой и людьми. Без этого не бывает и печати Божьей. Михаил Вишняков, мой земляк-сибиряк, – поэт богатого и открытого дара, притом общительного, своего, дружеского.

Он с редкой любовью пишет о тайге, о человеке, о прошлом и настоящем – обо всем, что есть в мире редкого. И стих его говорливый, чистый, музыкальный – как таежный ручей в заповедном месте. И когда читаешь его – полное впечатление, что это самосказанное, свободно льющееся слово, которое не приходится ни искать, ни гранить».

Малость этого шедевра вызвана, скорее всего, занятостью Валентина Григорьевича в ту пору и литературой, и общественной борьбой и невозможностью отказать, когда автор действительно достоин похвалы. Впрочем, Валентина Распутина не упрекнешь в многословии.

Не могу не сказать о многогранности и необъятности и общественного, и культурно-духовного подвига Распутина. Пожалуй, в русском писательстве найдешь немного подвижников XX – XXI веков, которые бы своей деятельностью, и художественной, и общественной, и политической, охватывали бы все тревожные, болезненные, трагические, важные сферы русской жизни. И в больших и в малых делах его – беззаветная деятельная любовь к Отечеству нашему.

* * *

Внимание Валентина Распутина к поэзии, знание и понимание ее сущности отмечали некоторые критики и исследователи творчества Распутина. Приведу отрывок из воспоминаний Эдуарда Анашкина «Любовь моя – печаль моя», опубликованных в сборнике «Живем и помним», посвященном памяти Распутина (Иркутск, 2017):

«Осенью 2013 года я был приглашен в Иркутск на Дни русской духовности и культуры "Сияние России". Команда приглашенных была сильной: Александр Проханов, Станислав Куняев, Владимир Крупин, Владислав Артемьев, Андрей Ребров, Анатолий Заболоцкий, Василий Попов. За день до окончания праздника мы, Анатолий Заболоцкий, главный режиссер и директор Иркутского городского театра народной драмы, заслуженный деятель искусств России Михаил Корнев и я, решили побывать на Смоленском кладбище и посетить могилы дорогих для Распутина людей – дочери и жены. Пригласили Валентина Григорьевича, чтобы он показал, где они похоронены.

С кладбища возвратились поздно, остановились около гостиничного комплекса "Русь". Успели на ужин. За ужином Валентин Григорьевич наклонился ко мне и сказал:

– Чай не пей, у меня дома чайком побалуемся – настоящим, сибирским.

Мы сидели на кухне у моего старшего товарища, друга-сибиряка, пили крепко заваренный, духмяный чай, на столе стояла тарелка с темно-красной брусникой.

– Эдуард, ты любишь поэзию? – неожиданно спросил меня Распутин.

– Да. Конечно, да. Ведь я начинал со стихов. В десять лет мои стихи были опубликованы.

– А кого из поэтов любишь?

– Есенина, Рубцова, Юрия Кузнецова, Надежду Мирошниченко и которые рядом со мной живут – Женю Семичева, Диану Кан и вашего земляка из Ангарска, молодого Василия Попова.

– Да, ты прав, земляк. Рубцов – был человек не от мира сего. Точно так, как и Есенин не был человеком от мира сего.

– Нам надо не забывать слова Константина Паустовского: "Больше всего обогащает язык прозаика знание поэзии".

– А о Викторе Полякове почему ничего не скажешь?

– Виктора Петровича знаю давно, был с ним у него на родине – в городе Сорочинске Оренбургской области, где меня поразило то, что в городе сохранили памятник известному советскому писателю Александру Фадееву, во времена СССР бывшему депутатом Верховного Совета от Сорочинска. Александр Александрович не раз бывал в городе. Памятник хорошо сохранился, а клумба перед памятником вся в цветах. В библиотеке города – книги Фадеева с дарственными надписями. Были вместе с Виктором Петровичем на могиле его любимой жены, Александры Спиридоновны, на кладбище в Рубежке. Добрый, хороший памятник, много цветов, но меня поразило выбитое на граните четверостишие:

Я отдал все, что есть.
И жизнь свою в придачу,
Чтоб вновь тебе сказать,
Как я тебя люблю...

Это из стихотворения Виктора Петровича "Я осужден на жизнь".

– Это обо мне сказано, – с грустью произнес Валентин Григорьевич, облокотился на стол, отодвинул кружку с чаем и опустил голову.

Добавлю только одно: в сентябре прошлого года Полякова положили в могилу рядом с любимой женой. Навсегда. Теперь они не расстаются.

– Эдуард, – произнес Распутин, глядя на меня, – ты правдиво пишешь, что как нужны в наш век "сердечной недостаточности" такие

люди, как Виктор Поляков, который дает надежду сердцам и как врач, и как поэт. Он настоящий поэт, передай ему мои слова. Его книга помогает мне переносить горечь утраты Светланы Ивановны. Вот какое сильное стихотворение запало мне на сердце. И я часто его повторяю:

Благословляю прошлые года,
Тот день, когда я встретился с тобой.
Осенний день... И стала ты тогда
Моей любимой, другом и судьбой.

Я находил всегда в тебе ответ,
И ни за что тебя я не корю:
Боготворил тебя полсотни лет,
Я и сейчас боготворю!

С тобою все мне было по плечу.
И пусть теперь я тлею – не горю,
За то, что ты зажгла мою свечу,
Благодарю тебя, благодарю...

Валентин Григорьевич налил себе еще чаю, сделал глоток, затем поднялся и произнес:

– Я сейчас. Наливай еще чайку, где еще такого попьешь?

Вернулся Валентин Григорьевич быстро, с толстой, по-сибирски увесистой книгой и шариковой ручкой, сел за стол и начал писать на титульном листе книги что-то своим мелким убористым почерком. Закончив, протянул мне книгу и произнес:

– Эдуард, передай, пожалуйста, эту книгу с автографом Виктору Петровичу Полякову. Как это у тебя: "На добро – добром"...

«"Сибирь, Сибирь..." – так называется эта книга, которую мне поддал Распутин. Это своего рода подробный и красочный путеводитель по этой огромной и до сих пор загадочной для многих земле.

Уже когда поезд Иркутск – Кисловодск подходил к Самаре, я позвонил Полякову. Он меня встретил у вагона. Я передал подарок от Распутина Виктору Петровичу. Как он бережно нес эту книгу, останавливался и читал автограф великого русского писателя!

И вот по прошествии стольких лет, когда их уже нет в живых, я думаю, что же у Валентина Распутина и Виктора Полякова было общее? А общее у них одно: они служили России, они служили Народу, они были влюблены в Поэзию».

В воспоминаниях человек, исходя из свойств памяти, может дополнять ушедшую реальность подчас додуманными позднее деталями, главное – чтобы они не исказили образ.

Просматривая «Биобиблиографический указатель В.Г. Распутина», я обнаружил странную особенность в заголовках его публикаций 1958 – 1965 годов в газетах «Красноярский комсомолец» и иркутской «Советская молодежь». Большинство из них имели стиль и размер стихотворных строк. Вначале я объяснил это случайностью совпадений, но, когда увидел, что множество заголовков соответствуют ямбам, хореем и так далее, понял, что Валентин Распутин делал это сознательно. Было ли это игрой редакционной, или он придумал этот прием для себя, мы доподлинно, скорее всего, никогда не узнаем, но можем поразмышлять, для чего он следовал этому правилу.

Приведу для пущей убедительности некоторые примеры, малую часть из того, что я обнаружил в «Указателе»:

- «В дневник записано не все...»
- «В небе Иркутском полощутся стяги...»
- «Вмешался секретарь горкома...»
- «Где взять колокола для боя...»
- «Герои милости не просят...»
- «Голос ближних и дальних полей...»
- «Далеко от Сибири до Крыма...»
- «Добровольцев встречает мороз...»
- «Для улыбки много слов не надо...»
- «Мы еще вернемся за огнями...»
- «Не только с любовью в училище плохо...»
- «Сколько стоит счастливое солнце...»
- «Эту жизнь раскрашивать не надо...»
- «Шли по полям четыре агрегата...»
- «Весна в распахнутых руках...»

В последней строке – скорее всего, отсылка к известной в те годы песенке: «Хорошо свою весну нести // На распахнутых руках. // Солнце нашей вечной юности // Не померкнет в облаках!» Возможно, что и другие строчки взяты из каких-то стихотворных или песенных текстов. Некоторые не лишены и поэтической привлекательности, и легкой иронии и могли бы стать зачином лирического стихотворения. А может быть, и являются таковыми?..

Валентин Григорьевич и сам иногда «баловался» стихами в письмах, в автографах, «не придавая им значения».

Писатель Юрий Иванов в воспоминаниях «Стихотворный упрек Распутина», опубликованных в журнале «Наш современник» (№3, 2020), пишет: «В начале 1963 года я трудился учителем в Черногорске

Красноярского края и нештатно сотрудничал с газетой "Красноярский комсомолец". Где-то в феврале-марте того года на страницах молодежки стали появляться публикации за подписью "В. Распутин".

Стилистика, язык зарисовок, очерков этого автора заметно отличались от скороспелых "холодных" материалов журналистской братии. Они были украшены образностью, метафоричностью и неведомой магией словесной волшебной мозаики...»

Это свидетельство указывает на то, что журналист Валентин Распутин даже к однодневной рутинной работе относился требовательно и творчески, на качестве ее сказывалось и знание поэзии.

* * *

Юрий Иванов затрагивает в своих воспоминаниях и нашу тему: «В марте 1963 года я получил из Красноярска телеграмму от главного редактора Василия Полустарченко: "Приезжай работать штатной основе".

В редакции газеты состоялось мое знакомство с Распутиным. Оказался он молодым, стройным, среднего роста, слегка сутулым... и с необычайно острым взглядом задумчиво-грустных глаз.

Увы, пребывание в газете ограничилось несколькими месяцами. Почти четыре десятилетия белкой в колесе чиновничьей телеги я добросовестно крутился, но всегда помнил о вещем для меня стихотворении Распутина...

О каком послании речь?

С первых же дней комсомольские дела увлекли меня так, что я резко оборвал свою связь с газетой и Валентином. Однако однажды я получаю по почте открытку со стихотворным текстом:

Можно прийти, можно уйти,
Даже не бросив: «Простите!..»
Но только пойми, там – впереди
Снова все та же обитель.

Можно шубу с лисой купить,
Можно себя приподнять на два чина,
Но ты пойми! Вот тот тупик –
Твоя ненаписанная картина...
А ты бы мог!
Ужели рок?

По почерку и смыслу послания я сразу узнал Распутина, на волне эмоций написал Валентину ответ.

Написал ли я ту "картину", которую имел в виду Валентин, думаю, что нет».

Я никогда не сомневался, что Валентин Григорьевич мог писать стихи. Даже в памяти мерцало неясное ощущение – воспоминание из семидесятых, что в товарищеском кругу он читал два-три своих стихотворения. И уже ближе к нам по времени, когда зашел разговор с человеком неким о стихах Распутина, мне было сказано с утверждением, которому можно было поверить, что четыре (именно четыре) стихотворения Распутин передал или подарил читательнице и она опубликовала их в какой-то городской или районной газете. Но когда я, созрев для поиска, стал пытаться всех, кто мог бы мне помочь, я ничего не узнал. Поэтому склоняюсь к тому, что вышесказанное – плоды моего творческого воображения. Но надежды не теряю.

Немногие, я бы сказал «альбомные», стихи Валентина Григорьевича все же были опубликованы в последнее время – как автографы, поздравления, и говорить о них как о поэтических произведениях нет смысла. Они важны как отражение постоянного присутствия поэзии в его жизни с самых ранних лет.

* * *

Из беседы с Дмитрием Шеваровым в канун 70-летия Валентина Григорьевича:

– Поступая в университет, вы мечтали о писательстве?

– Нет, не мечтал. Правда, литературу в школе очень любил. Стихи, как и многие подростки, писал. К выпускному чуть не поэму сочинил. Но каких-то высоких помыслов не было. Я пошел на историко-филологический только для того, чтобы стать учителем.

* * *

Писатель Ким Балков, сокурсник Распутина, вспоминал: «15 сентября 1997 года в день моего рождения [Валентин] подарил мне двухтомник своих избранных произведений с такой подписью: "Дорогому Киму, юбиляру от юбиляра" (мы с ним ровесники):

Разделив шестьдесят на две доли,
Нам останется ровно по тридцать.
Поле, поле, широкое поле!
Отчего молодецки не свистнуть».

А вот как выглядит, например, автограф В.Г. Распутина по случаю дня рождения Е.И. Молчановой, свояченицы писателя: «Евгении Ивановне, рожденной 50 лет назад на благо родных и близких, сему и радуемся, этой надеждой и живем.

Вот дал Господь ей положенье,
Со всех сторон видна, красна,

А все от чтенья, от волненья,

А все от книжного вина.

2 октября 2008 год».

Владимир Зыков в своих заметках «Валентин Распутин. Комсомольские годы в Красноярске» вспоминает: «Переписка с Валентином Распутиным у нас начиналась из Красноярска в Дивногорск, а потом перешла на линию Красноярск – Иркутск, Красноярск – Москва и снова в Иркутск и Москву. О чем писалось?

Первая из тощей пачки писем – открытка в Дивногорск, в редакцию "Огней Енисея" от 30 декабря 1963 года. Наверное, открытку послали с редакционной новогодней "вечеринки" "Красноярского комсомольца". Три подписи моих друзей – "комсомольцев": В. Распутин, Л. Моисеева, Р. Иванова, но текст и адрес написаны неповторимым "ювелирным" почерком Валентина. Видимо, просто больше его маленьких, словно игрушечных, буковок входило на малюсенькую площадь для письма. И почему-то поздравление было в стихах: "Люди нынче в бога верят мало. / Люди больше верят в Новый год. / Мы ждем его, как поезд у вокзала. / А он придет, потом опять уйдет. / Мы остаемся. Мы полны желаний. / Мечтаем мы о том и о другом. / Все тише стук, и тишина, как рана, / сосет и давит нас. Мы снова ждем"».

* * *

Из книги Валентина Курбатова «Подорожник: Встречи в пути, или Нечаянная история литературы в автографах попутчиков» (Предисловие В.Г. Распутина. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2006): «А это новое ироничное вторжение Д. Самойлова объясняется просто. Они с женой ехали в Михайловское, но как было не оглядеться в Пскове – и заглянули ко мне в гости. Мы много ходили по городу. Всегда это в радость. Самого-то вымани-ка. А как приедут гости, видишь, как прекрасен город, как много в нем переменилось. И сам загораешься и радуешься больше своих спутников. Потом сидели за рюмочкой (уже "положено было" только сто грамм). Давид Самойлович читал много своего давнего, нового. Шутил. Глаза за линзами становились огромными, почти искусственными. Один совсем затягивался бельмом. Я убеждал подумать об операции, он отшучивался:

– Увижу наполовину меньше мерзости. Да уж и недолго смотреть. Меня и Володя Соколов все убеждал. Я тогда написал ему: "Напрасно, милый мой Володя / Надеяться на что-то вроде / Бессмертья. Ты – матерьялист. / И даже я. И все нам ясно / И, видимо, живем напрасно. / И, кажется, уйдем в навоз. / Мы станем удобренным роз". Это я его утешал, что роз, а сам-то думаю пониже.

Вообще, был, как всегда, обманчиво легок. И как-то поэтически бездомен. Это было видно тогда в Москве. Он и когда уже ребенок

родился, мог перевезти свое имущество в багажнике легковой машины за один рейс. Уважение к бедности он хранил всегда и чтил ее как испытателя человеков...

А от той псковской встречи осталась только его книжка "Залив", которую он надписал экспромтом: "Валентину Курбатову: В этом городе Пскове / Воздаю от початого / Полуштофа любви", да в альбоме он улыбнулся нарочито школьным сбоем события.

Историческое

*Горя высоким чувством,
Сей князь ударом дерзким
Разбил врага на Чудском,
За что был назван Невским.*

Д. Самойлов

*В первые дни пребывания во Пскове,
22 сентября 1985».*

Я бы не стал включать это «Историческое», когда бы не следующая страница, где Курбатов приводит стихотворение Распутина. Это была не игра, не шалость рифмы. Тут была разность взглядов на историю даже в пустяке. Тут была разность общего направления мыслей во взгляде на Отечество, на интонацию дня. И в строке Валентина «Не поверим мы снова и снова // В лень и холод заученных книжек» слышалось прямое сопротивление игре и привычке самойловского миропонимания.

«Географическое

*Далеко от Иркутска до Пскова
И от Пскова к Иркутску не ближе.
Но приехал ты – каждое слово
Говорит нам, что все-таки выживем.*

*Не поверим мы снова и снова
В лень и холод заученных книжек.
Далеко от Иркутска до Пскова,
И от Пскова к Иркутску не ближе.*

В. Распутин

Ноябрь 1985 Иркутск

P.S.

*Стихом презренным говоря,
Я рифму тронул, право, зря.*

В.Р.»

Валентин Распутин учился у поэзии писать прозу, но без условностей рифмы, размера и механического сочетания строк.

* * *

Николай Савельев в коллективном сборнике воспоминаний о В.Г. Распутине «Живу и помню» пишет:

«Встреча со студентами в пединституте... Встреча заканчивается, появляется С. Говорухин. Извиняется, что опоздал (прямо с самолета). Прилетел только из уважения к Распутину, и тут же в снисходительном тоне говорит, что не стоит строить иллюзий насчет "Сияния России". Читает известное стихотворение Волошина:

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали...

Встает Распутин, своим негромким голосом поправляет: "Да, у Волошина это стихотворение написано в 1917 году, а вот стихотворение 1922 года". Легко по памяти читает стихи, где полная вера в Россию и ее воскрешение».

И еще в одном месте у Николая Савельева о знании Распутиным поэзии: «Мирошниченко обнаруживает в деревенской библиотеке книгу поэта русской иммиграции Георгия Иванова и, не открывая, читает горькое: "Хорошо, что нет царя, хорошо, что нет России". Споткнулся, стал листать страницы, ищет нужное стихотворение. Распутин без труда дочитывает эти стихи по памяти»...

* * *

В Иркутске многие прозаики писали стихи в начале литературного пути: Гурулев, Вампилов, Китайский, Зверев, Огневский, Байбородин. Из тех, кто занимался этим и в дальнейшем, можно назвать Валентину Сидоренко, Владимира Гусенкова, Кима Балкова. Анатолий Горбунов почти в равных долях писал и прозу, и стихи.

Да и в русской классической литературе встречается немало имен тех, кто писал и стихи, и прозу, не замыкаясь в одном жанре: Бунин, Набоков, Тургенев. Да и Пушкин и Лермонтов, преимущественные поэты, писали великолепную прозу.

Любовь к поэзии изначально была свойственна русскому народу, обрядовые и лирические песни, пословицы, поговорки, частушки сияют алмазами поэтического слова.

В пушкинском лицее был предмет «Стихосложение», в аристократических домах для гостей заводили альбомы для стихов, куда каждый обязан был сказать в рифму какие-нибудь приятные слова, и нередко в книгах стихов поэтов девятнадцатого века можно встретить заголовок «В альбом Н.Н.». А это указывает на то, что эти стихи писались заранее,

чтобы достойно запечатлеть их рядом с другими сочинителями, чтобы «не упасть лицом в грязь», как говорили в старину.

«История с альбомами» продлилась у нас до шестидесятых годов и чуть дальше, преобразовавшись в «дембельские альбомы», которые наши солдаты готовили на «дембель», переписывая друг у друга песни, стихи, вклеивая фотографии армейской службы как напоминание о трудных, но радостных и достойных годах жизни.

Дембельского альбома у меня не было, а вот «Альбом для стихов» в черном бархатном переплете с «золотым тиснением» сохранился с пятидесятих годов. Тогда они еще продавались в книжных магазинах и киосках «Союзпечать».

Если бы я был царь или на худой конец министр просвещения, я бы своим указом ввел в школах урок русской классической поэзии. Я думаю, что успех Китая, выход его в мировые лидеры связан, в частности, с тем, что обучение детей в китайской школе начинается с поэзии и каллиграфии, и культуре государство придает большее значение, чем цифровизации.

* * *

Перечитывая публицистику Распутина, обратил внимание на то, что почти каждая статья содержит упоминания или цитаты русских поэтов. Раньше я этого не замечал, хотя знал все эти статьи, в большинстве своем опубликованные в журнале «Сибирь», и, естественно, читал их при подготовке к печати. Когда читаешь принудительно, то внимание останавливается на общем смысле и стиле, а не на деталях.

Мне думается, Распутин единственный из писателей так широко привлекал и вводил в публицистику поэзию. Назову имена, к которым обращался Распутин: Державин, Ломоносов, Жуковский, Карамзин, Тютчев, Фет, Пушкин, Лермонтов, Хомяков, К. Аксаков, Кириевский, Случевский, В. Печерин, Твардовский, А.К. Толстой, Некрасов, Ершов, Бунин, Блок, Кольцов, Никитин, Есенин, Бальмонт, Аполлон Майков, Ахматова, Волошин. Здесь замечу, что для положительного примера привлекались русские поэты Золотого века, а так называемый Серебряный век представляли поэты, продолжившие традиции девятнадцатого: Блок, Ахматова. А поэты двадцатого, как правило, отражали негативные стороны культуры: Евтушенко, Высоцкий, Бродский, Окуджава, Мандельштам.

Для меня это подтверждение серьезного знания Валентином Григорьевичем русской поэзии во всем ее великолепном разнообразии.

В письменных воспоминаниях Джея Майкльсона «Валентин Распутин: пророк и его драма» автор сближает переживания творческого процесса у Распутина с восторгом вдохновения, переданным в знаменитой «Осени» Пушкина: «Судя по тому, что Распутин мне говорил и что можно интуитивно чувствовать, читая его прозу, творческие порывы у него походили на пушкинские. Они только вели у одного к стихам, а у

другого к прозе» (Творческая личность Валентина Распутина: сборник научных трудов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015) .

И. Плеханова в статье «О поэтическом сознании В. Распутина» пишет: «Тема предполагает разные подходы. Первый и очевидный – анализ стихов прозаика и поэтизм в художественном языке Распутина. Более плодотворен другой аспект – рассмотреть тему в свете психологии творчества, то есть раскрыть поэтическое самосознание прозаика. Поэтическое не равно стихотворству, хотя эпиграммы и дружеские послания Распутина выразительны и должны стать предметом анализа. Красноречивый пример – юбилейное поздравление поэту и прозаику К.Н. Балкову». И далее: «...поэтическое воображение можно считать сущностной характеристикой творческого сознания Распутина».

Я бы добавил к этому признание Пришвина в письме Паустовскому от 1949 года: «Мне дорого, что Вы являетесь настоящим поэтом, и еще более – поэтом, распятым на кресте прозы».

Это в полной мере обозначает и особенность не только распутинской прозы, но многих его очерков и статей.

